

УДК 82-1/-9

«ТРОЦКИСТЫ»: ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФАРС И САТИРИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ В ПОВЕСТИ М.А. БУЛГАКОВА «РОКОВЫЕ ЯЙЦА»

Владимир Викторович КОЛЧАНОВ

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: vla-kolchanov@yandex.ru

Аннотация. Проанализирована повесть М.А. Булгакова «Роковые яйца». Рассмотрен ее сатирический вектор – тайный литературный фарс, направленный на Л.Д. Троцкого и его окружение. Определены композиция фарса, границы его встроенности в текст. Прослежены связи с дьяблерией, мистерией-буфф, политическим фарсом, разыгранным советской пропагандой по освещению «московских процессов» над «троцкистами». В качестве литературных источников привлечены романы-фельетоны «Москва» А. Белого и «Остров Эрендорф» В.П. Катаева. Значительное место отведено игровым особенностям произведения, в частности, разновидности аллюзии – приему суггестивного маркирования. Предложена гипотеза атрибуции повести.

Ключевые слова: фарс; дьяблерия; аллюзия; гротеск; П. Шеффер; Л.Д. Троцкий; А.Л. Парвус; И.П. Колесов; Л.Г. Рабинович; Я.А. Яковлев

Сатирическая повесть «Роковые яйца» – энциклопедия политической жизни страны 1917-го – 1930-х гг. Мы не раз обращались к этому факту в последнее время [1–4]. В докладе «Три лика нового Мандро: образ журналиста Степанова и проблема атрибуции в повести М.А. Булгакова «Роковые яйца» описывалась едкая сатира на видного московского революционера, антирелигиозного организатора-пропагандиста, экономиста и философа 1910–1920-х гг. И.И. Скворцова-Степанова; в статье «Сквозь магический кристалл»: образ А.К. Воронского в сатирической повести М.А. Булгакова «Роковые яйца» декодировался литературный силуэт крупнейшего общественного деятеля в области советской печати, референта В.И. Ленина по литературе белой эмиграции А.К. Воронского; в статье «Катабасис как сатирический мотив в повести М.А. Булгакова «Роковые яйца»: образ профессора Персикова в свете античной, западноевропейской и русской церемониальной магии» в нумерологическом ключе освещалась биография «основателя первого в мире социалистического государства» В.И. Ленина; наконец, в работе, печатающейся одновременно с настоящей, – «Тамбов на карте генеральной...»: сатирическая повесть М.А. Булгакова «Роковые яйца» и «куриная история», в сем граде случившаяся, а также в столице и государстве, до и по-

сле того» – даются силуэты ближайшего ленинского окружения: крупных деятелей партии, правительства, знатных женщин. Все эти затушеванные, скрытые приемом суггестивного маркирования литературные силуэты деятелей постреволюционной эпохи представляют из себя тайные литературные пародии и памфлеты, включенные в жанр повести-фельетона.

На этот раз мы рассмотрим дополнительный сатирический вектор – литературно-политический фарс, направленный на Л.Д. Троцкого, его окружение и других «врагов народа», как окрестили тогда всех оппозиционно настроенных сталинскому режиму граждан в стране и за рубежом. Фарс этот незаметно встроен в текст и является частью его сложной и многоуровневой композиции. Объяснение этому видится в том, что М.А. Булгаков, как мы знаем, был не только выдающимся прозаиком и ярким фельетонистом; огромная часть его творческой деятельности была связана с театром, причем с театром сатирической направленности, обличающим человеческие пороки и берущим начало в таких явлениях театральной жизни, как драматургия Ж.Б. Мольера, Лопе де Вега, Н.В. Гоголя. Все обозначенные драматурги, которым писатель уделял первостепенное внимание в жизни, использовали жанр коме-

дии и, в частности, такую его разновидность, как фарс.

Драматический фарс имел длинную историю и восходил к средневековой драме на библейскую тему – мистерии. По словам А.А. Гвоздева и В.С. Сисикина, «сценой для мистерии являлся весь город, <...> местом действия – весь мир, ибо мистерия разворачивалась во всей вселенной, как ее представлял себе человек средневековья, с ее са크ральными пространствами ада и рая» [5, с. 139]. Первоначально это средневековое зрелище в перерывах начиналось своеобразными комедийными номерами – «фарсами», имеющими развлекательный, устрашающе-скабрёзный характер. Затем фарс выделился из мистерии, изменил свой характер, получил название дьяблерии (бесовского действия) и стал иметь собственную композицию и архитектуру. Теперь он делился на три акта: местом первого акта объявлялся ад, второй акт разворачивал место действия на земле (в том же городском храме или ратуше), а вот третий проходил под открытым небом – на улицах и площадях. Третий акт представлял из себя карнавал, встроившийся в евангельскую историю, в конце которого все «заблудшее стадо» вновь отправлялось в храм. Всех грешников по пути следования дьяблерии по земле ожидал неминуемый суд, – их поочередно проглатывала огромная «адова пасть», а до того эти лица подвергались глумлению со стороны Сатаны и бесов. Интересными в нашем случае оказываются мистерии, и, соответственно, их фарсы, связанные с новозаветной темой Апокалипсиса – когда финал представлял из себя трагическую сцену из «Откровения» Иоанна Богослова.

Для показа такого средневекового фарса возьмем 5-ю главу «Куриная история» и 6-ю главу «Москва в июне 1928 года». Обе главы имеют двухчастное строение (проиндексированное в тексте звездочками); соответственно, учитывая композицию средневекового фарса, мы можем первую часть 5-й главы обозначить как I акт под названием «Действие в аду», вторую часть как II акт «Действие в храме», 1-ю часть 6-й главы как III акт «Действие на улицах и площадях» и 2-ю часть 6-й главы как финал «Пришествие Антихриста». I акт фарса «Действие в аду» в

свете данной темы мы описываем параллельно. В статье «Тамбов на карте генеральной...»: сатирическая повесть М.А. Булгакова «Роковые яйца» и «куриная история», в сем граде случившаяся, а также в столице и государстве, до и после того» доказывается, что место действия в 1-й части 5-й главы «Куриная история» «действительно напоминает ад» (подробнее см. [4]). Поэтому нет надобности вновь обращаться к этому действию.

Вторая часть 5-й главы начинается с того, что вечером, по дороге домой, Персиков на экране «Рабочей газеты» видит прошлый день в искаженном свете. Аберрация зрения создает чудовищный эффект: вместо себя и «капитана» Степанова он обнаруживает в таксомоторе «чертей» («Это какие-то черти, а не люди», – сквозь зубы бормочет зоолог), а по приезде на Пречистенку удостоивается ночного визита. В квартиру неожиданно заявляется ужасный «полномочный шеф торговых отделов иностранных представительств при Республике советов» Пеленжковский.

Поздний «гость» так пугает профессора, что доводит до бешенства, превращая в кота, непременно участника имажинаций в магии и волшебной сказке. Ученый дважды – в первые минуты встречи с ним и в разговоре с Марьей Степановной (как бы прислуживающей ведьмой) – произносит трехкратное «мур-мур-мур» и этим вызывает смех. В то же время фраза «мур-мур-мур» диагностирует и другое, уродливое, подавленное состояние человеческой психики, вызванное шоком от встречи с «врагом народа», состояние, хорошо знакомое советскому обывателю в 1930-е гг. Поэтому страх, смешанный с дисфорией, заставляет героя обратиться непосредственно в МУР (московский уголовный розыск) на Петровке, а в ГПУ на Лубянке. Так достигается кульминация во II акте фарса. К тому же во второй части 5-й главы, как мы сейчас увидим, так много диалогов, что ее действительно легко преобразовать в драматическое явление и поставить на сцене. Приведем из него первый фрагмент и будем считать, что он является в то же время I явлением II акта скабрёзной пьески – фарса «Троцкисты».

«В 10 с 1/4 того же вечера раздался звонок, и профессор вынужден был беседовать с неким ослепительным по убранству гражданином. Принял его профессор благодаря визитной карточке, на которой было изображено (без имени и фамилии):

Полномочный шеф торговых отделов иностранных представительств при Республике советов.

– Черт бы его взял, – прорычал Персиков, бросил на зеленое сукно лупу и какие-то диаграммы и сказал Марье Степановне:

– Позовите его сюда, в кабинет, этого самого уполномоченного.

– Чем могу служить? – спросил Персиков таким тоном, что шефа несколько передернуло. Персиков пересадил очки с переносицы на лоб, затем обратно и разглядел визитера. Тот весь светился лаком и драгоценными камнями и в правом глазу у него сидел монокль. «Какая гнусная рожа», – почему-то подумал Персиков.

Начал гость издали, именно попросил разрешения закурить сигару, вследствие чего Персиков с большой неохотой пригласил его сесть. Далее гость произнес длинные извинения по поводу того, что он пришел слишком поздно: «но... господина профессора невозможно днем никак поймать... хи-хи... пардон... застать» (гость, смеясь, всхлипывал, как гиена).

– Да, я занят! – так коротко ответил Персиков, что судорога вторично прошла по гостю.

Тем не менее он позволил себе беспокоить знаменитого ученого:

– Время – деньги, как говорится... сигара не мешает профессору?

– Мур-мур-мур, – ответил Персиков. – Он позволил...

– Профессор ведь открыл луч жизни?

– Помилуйте, какой такой жизни?! Это выдумки газетчиков! – оживился Персиков.

– Ах, нет, хи-хи-хи... он прекрасно понимает ту скромность, которая составляет истинное украшение всех настоящих ученых... о чем же говорить... Сегодня есть телеграммы... В мировых городах, как-то: Варшаве и Риге, уже все известно насчет луча. Имя проф. Персикова повторяет весь мир... Весь мир следит за работой проф. Персикова, затаив дыхание... Но всем прекрасно известно, как тяжело положение ученых в советской России. Антр ну суа ди... Здесь никого нет посторонних?... Увы, здесь не умеют ценить ученые труды, так вот он хотел бы переговорить с профессором... Одно иностранное государство предлагает профессору Персикову совершенно бескорыстно помощь в его лабораторных работах. Зачем здесь метать бисер, как говорится в Священном Писании. Государству известно, как

тяжко профессору пришлось в 19-м и 20-м году во время этой, хи-хи... революции. Ну, конечно, строгая тайна... профессор ознакомит государство с результатами работы, а оно за это финансирует профессора. Ведь он построил камеру, вот интересно было бы ознакомиться с чертежами этой камеры...

И тут гость вынул из внутреннего кармана пиджака белоснежную пачку бумажек...

Какой-нибудь пустяк, 5000 рублей, например, задатку, профессор может получить сию же минуту... И расписки не надо... Профессор даже обидит полномочного торгового шефа, если заговорит о расписке.

– Вон!!! – вдруг гаркнул Персиков так страшно, что пианино в гостиной издало звук на тонких клавишах.

Гость исчез так, что дрожащий от ярости Персиков через минуту и сам уже сомневался, был ли он или это галлюцинация.

– Его калоши?! – выл через минуту Персиков в передней.

– Они забыли, – отвечала дрожащая Марья Степановна.

– Выкинуть их вон!

– Куда же я их выкину. Они придут за ними.

– Сдать их в домовую кабинет. Под расписку. Чтоб не было духу этих калош! В комитет! Пусть примут шпионские калоши!..

Марья Степановна, крестясь, забрала великопленные калоши и унесла их на черный ход. Там постояла за дверью, а потом калоши спрятала в кладовку.

– Сдали? – бушевал Персиков.

– Сдала.

– Расписку мне.

– Да, Владимир Ипатьевич. Да неграмотный же председатель!..

– Сию. Секунду. Чтоб. Была. Расписка. Пусть за него какой-нибудь грамотный сукин сын распишется!

Марья Степановна только покрутила головой, ушла и вернулась через 1/4 часа с запиской:

«Получено в фонд от проф. Персикова 1 /одна/ па кало. Колесов».

– А это что?

– Жетон-с.

Персиков жетон истоптал ногами, а расписку спрятал под пресс. Затем какая-то мысль омрачила его крутой лоб. Он бросился к телефону, вытрезвонил Панкрата в институте и спросил у него: «Все ли благополучно?». Панкрат нарычал что-то такое в трубку, из чего можно было понять, что, по его мнению, все благополучно. Но Персиков успокоился только на одну минуту. Хмурясь, он уцепился за телефон и наговорил в трубку такое:

– Дайте мне эту, как ее, Лубянку. Мерси... Кому тут из вас надо сказать... у меня тут какие-то подозрительные субъекты в калошах ходят, да... Профессор IV университета Персиков...

Трубка вдруг резко оборвала разговор, Персиков отошел, ворча сквозь зубы какие-то бранные слова.

– Чай будете пить, Владимир Ипатьевич? – робко осведомилась Марья Степановна, заглянув в кабинет.

– Не буду я пить никакого чаю... мур-мур-мур, и черт их всех возьми... как взбесились все равно».

В этом условно выделенном нами I явлении II акта фарса можно сразу определить и первого «врага народа»; он пока еще нерелятивный, литературный, можно так выразиться, предтеча «троцкистов» в повести, и восходит к произведению современника М.А. Булгакова – роману-фельетону А. Белого «Москва» (писавшегося и публиковавшегося фрагментами с 1918-го по 1930-й г.).

В основе романа-трилогии «Москва» лежала история взаимоотношений немецкого шпиона Э.Э. фон-Мандро с русским профессором математики И.И. Коробкиным: в ней описывались попытки фон-Мандро овладеть изобретением Коробкина, в том числе – и средствами подкупа. Сцена визита в «Роковых яйцах», таким образом, как бы повторяет одну из встреч заклятых врагов. Причины в обоих случаях также оказываются схожими. Изобретения главных героев Персикова и Коробкина являлись, по сути, изобретениями оружия массового поражения, – и разнились они лишь способом уничтожения: «московский чудак» А. Белого изобретал бомбу, а «ученый чудак» М.А. Булгакова – биологическое оружие, сила которого в обоих случаях не была еще осознана кремлевскими правителями. Малоосведомленные о настоящем его заказчике – «звере из бездны», дьяволе, любящем принимать в России образ иностранца, черта-немца¹, они, как явствует из

¹ См., напр., популярный иллюстрированный сборник, задуманный в виде альманаха большого формата: «Иллюстрированный бес, инкогнито странствующий по всем закоулкам России: Проза, стихи, рис. рус. писателей и художников: Рассказы, очерки, сцены, приключения, шутки, анекдоты, картинки, портр. и наблюдения: Серьезное, смешное, забавное, веселое и поучительное. Вып. 1 / рис. А.С. Янова и Н.П. Чехова. М.: Тип. Н.И. Смирнова, 1880.

содержания произведений, отдали изобретение на волю рока и божественного провидения.

Приведем отрывок из «Москвы», чтобы сравнить речь и поведение Пеленжковского с речью и поведением «чорта» и «гиены», немецкого шпиона фон-Мандро. Для наглядности отрывок из «Роковых яиц» придется повторить:

«Роковые яйца»

«... гость, смеясь, всхлипывал, как гиена). <...>

Здесь никого нет посторонних?.. Увы, здесь не умеют ценить ученые труды, так вот он хотел бы переговорить с профессором... **Одно иностранное государство** предлагает профессору Персикову совершенно бескорыстно помощь в его лабораторных работах. Зачем здесь метать бисер, как говорится в Священном Писании. **Государству известно, как тяжело профессору пришлось в 19-м и 20-м году во время этой, хи-хи... революции.** Ну, конечно, строгая тайна... **профессор ознакомит государство с результатами работы, а оно за это финансирует профессора.** Ведь он построил камеру, вот интересно было бы ознакомиться с чертежами этой камеры...

И тут гость вынул из внутреннего кармана пиджака белоснежную пачку бумажек... **Какой-нибудь пустяк, 5000 рублей, например, задатку, профессор может получить сию же минуту... <...> (выделено мною. – В. К.)»**

«Москва»

«– ...Но, профессор, могли ли вы думать, что первый визит мой к вам будет – последним визитом?»

Старался он дверь заслонять: ну, как, чорт подери, он жарнет!

– **Между нами сказать, – знаменитости в данное время влекнут очень жалкую жизнь; они – щепки, кидаемые во все стороны всплесками волн социальной стихии;** но, но – обрываю себя; буду краток: явился я, – с просьбой покорной открыти **ваше продать одной фирме, – скажу откровенно теперь, – поглядел он лицом как-то вбок,** а глазами – на сторону; и продолжал с тихой хрипою, точно комок застрял в горле, – скажу откровенно, что «ф и р м а» – **правительство мощной, великой державы...** – тут сделал он паузу. – Были ж вы слепы, профессор, – не знаю, что вас побудило тогда пренебречь предложением моим; я давал **пятьсот тысяч; но вы,**

при желанье, могли бы с меня получить миллион (выделено мною. – *В. К.*)» [6, с. 346].

Обратимся теперь ко 2 явлению акта визита Пеленжковского; оно как раз и позволяет рассмотреть первостепенных виновников всех бед в СССР, якобы завербованных в разное время иностранными спецслужбами и названными за это «врагами народа». Дополнительно фигуры главных «врагов народа» подкрепляются здесь образом известного русского писателя В.П. Катаева. В легком журнальном жанре фельетона в середине 1920-х гг. В.П. Катаев являлся преуспевающим сатириком, совершавшим, вслед за тяжелыми погромными статьями И.И. Скворцова-Степанова, смелые нападки на «вождей Красной армии» Л.Д. Троцкого и его ближайшее окружение.

«Роковые яйца»:

Ровно через десять минут профессор принимал у себя в кабинете новых гостей. Один из них приятный, круглый и очень вежливый, был в скромном, защитном, военном френче и рейтузах. На носу у него сидело, как хрустальная бабочка, пенсне. Вообще он напоминал ангела в лакированных сапогах. Второй, низенький, страшно мрачный, был в штатском, но штатское на нем сидело так, словно оно его стесняло. Третий гость повел себя особенно, он не вошел в кабинет профессора, а остался в полутемной передней. При этом освещенный и пронизанный струями табачного дыма кабинет был ему насквозь виден. На лице у этого третьего, который был тоже в штатском, красовалось дымчатое пенсне.

Двое в кабинете совершенно замучили Персикова, рассматривая визитную карточку, расспрашивая о пяти тысячах и заставляя описывать наружность гостя.

– Да черт его знает, – бубнил Персиков, – ну, противная физиономия. Дегенерат.

– А глаз у него не стеклянный?

– А черт его знает. Нет, впрочем, не стеклянный, бегают глаза.

– Рубинштейн? – вопросительно и тихо отнесся ангел к штатскому, маленькому. Но тот хмуро и отрицательно покачал головой.

– Рубинштейн не даст без расписки, ни в каком случае, – забурчал он, – это не рубинштейнова работа. Тут кто-то покрупнее.

История о калошах вызвала взрыв живейшего интереса со стороны гостей. Ангел молвил в телефон домовой конторы только несколько слов: «Государственное политическое управление сию

минуту вызывает секретаря домкома Колесова в квартиру профессора Персикова, с калошами», и Колесов тотчас, бледный, появился в кабинете, держа калоши в руках.

– Васенька! – негромко окликнул ангел того, который сидел в передней. Тот вяло поднялся и, словно развинченный, припелся в кабинет. Дымчатые стекла совершенно поглотили его глаза.

– Ну? – спросил он лаконически и сонно.

– Калоши.

Дымные глаза скользнули по калошам и при этом Персикову почудилось, что из-под стекол вбок, на одно мгновение, сверкнули вовсе не сонные, а наоборот, изумительно колючие глаза. Но они моментально угасли.

– Ну, Васенька?

Тот, кого называли Васенькой, ответил вялым голосом:

– Ну, что тут ну. Пеленжковского калоши.

Немедленно фонд лишился подарка профессора Персикова. Калоши исчезли в газетной бумаге. Крайне обрадовавшийся ангел во френче встал и начал жать руку профессору, и даже произнес маленький спич, содержание которого сводилось к следующему: это делает честь профессору... Профессор может быть спокоен... больше его никто не потревожит, ни в институте, ни дома... меры будут приняты, камеры его в совершеннейшей безопасности...

– А нельзя ли, чтобы вы репортеров расстреляли? – спросил Персиков, глядя поверх очков.

Этот вопрос развеселил чрезвычайно гостей. Не только хмурый маленький, но даже дымчатый улыбнулся в передней. Ангел, икрясь и сияя, объяснил, что это невозможно.

– А что это за каналья у меня была?

Тут все перестали улыбаться и ангел ответил уклончиво, что это так, какой-нибудь мелкий аферист, не стоит обращать внимания... тем не менее он убедительно просит гражданина профессора держать в полной тайне происшествие сегодняшнего вечера. И гости ушли <...>

Когда Бронский появился в кабинете, Персиков настолько простер свою ласковость, что рывкнул ему:

– Садитесь!

И Бронский, восхищенно улыбаясь, сел на винтающийся табурет.

– Объясните мне, пожалуйста, – заговорил Персиков, – вы пишете там, в этих ваших газетах?

– Точно так, – почтительно ответил Альфред.

– И вот мне непонятно, как вы можете писать, если вы не умеете даже говорить по-русски. Что это за «пара минуточек» и «за кур»? Вы, вероятно, хотели спросить «насчет кур»?

Бронский почтительно рассмеялся:

– Валентин Петрович исправляет.

- Кто это такой Валентин Петрович?
- Заведующий литературной частью.
- Ну, ладно. Я, впрочем, не филолог. В сторону вашего Петровича! Что именно вам желательно знать насчет кур?»

В портретах этих следователей без труда угадываются черты трех главных фигурантов, проходящих по делу «троцкистов» в ОГПУ-НКВД: «левых» коммунистов Л.Д. Троцкого, Л.Б. Каменева и Г.Е. Зиновьева. Все они, как было доказано на многочисленных судебных заседаниях, были завербованными иностранными агентами, в первую очередь немецкими, и вели тайную войну против родной страны и ее правительства. Сатира получалась блестящая. Фельетонист М.А. Булгаков виртуозностью игры затмевал как А. Белого, так и В.П. Катаева. И первое, что отличало от них М.А. Булгакова, были не изящество стиля, не зримость и выпуклость художественных образов и даже не едкость и тонкость саркастических деталей, а способность воспроизводить аллюзийное поле, создавать широкий литературный контекст, играть с фельетонами писателей-современников.

Убедимся в этом на примере следующих художественных деталей. Имя следователя Васенька, оставшегося в полутемной передней, напоминает имя шапки-кота из романа А. Белого «Москва», живущего в прихожей фон-Мандро (в конце визита, в состоянии крайнего возбуждения, профессор Коробкин натягивает живое чудище на свою голову). «Стеклянный глаз» из вопроса «ангела» переключает внимание на «мелкого афериста» – картежного шулера и хромоножку Мигуэляде-Санто-Мадраццо из романа-фельетона В.П. Катаева «Остров Эрендорф» («1 апреля 1924»). Он тоже имел «стеклянный глаз».

На роман-фельетон В.П. Катаева «Остров Эрендорф» указывают еще две детали. Ими обыгрывается центральный образ романа – страшный фиолетовый луч, созданный буржуазией на погибель трудящихся. В 4-й главе читаем: «ослепительнейший фиолетовый луч ударил в глаза профессора, и все кругом вспыхнуло», и Персиков «закрылся кулаками от фиолетового света», а в 5-й главе он вновь «закрывается кулаками от фиолетового луча». Вторая деталь выглядит, возможно, несколько слабее, подана осторожнее

и переключается только в подтексте. Датировка фельетона «Остров Эрендорф» явно привязана ко дню смеха «1 апреля 1924 года», но в то же время по месяцу совпадает с днем рождения В.И. Ленина (впоследствии второй праздник вытеснит первый), датировка же повести «Роковые яйца» соотносится с праздником Октября и годом смерти вождя: «Октябрь. 1924 г.». И в том, и в другом случае, таким образом, возникают сомнения в истинности даты создания произведений.

Усиливает аллюзию на роман-фельетон В.П. Катаева сюжет «Роковых яиц». Главный герой романа В.П. Катаева Арчибалд Грант был профессором и тоже загонял ошибку в божественную систему, – предуготованная его математическими расчетами мировая катастрофа превратилась в локальную лишь потому, что арифмометр, к всеобщему счастью выживших в ней людей труда, оказался с браком, и фиолетовый луч погиб, погрузившись вместе с островом в бурные воды Атлантики.

Фельетонный юмор, погруженный в фарсовую стихию, сквозит в каждой строчке приведенного фрагмента, практически с первых минут. От перенесенного шока профессор, как читаем выше, совсем не помнит преступника («бубнит: «черт его знает»), но лубянские чекисты не теряются, – пытаются установить личность Пеленжковского практически сразу, «по горячим следам», и это ведет к еще большей эмоциональной разрядке. Смех вызывают не только гротескно-уродливое изображение отношений героев и их поведение, но и средство «холодного передвижения» – калоши, оставленные в кабинете профессора заезжим гастролером, – обувь, достаточно символичная в плане интертекста.

Но прежде чем взглянуть на интертекст, любопытно декодировать по калошам еще одно вражеское лицо, которое хранит калоши и передает их «троцкистам» в качестве эстафеты. Оно скрыто в образе секретаря домкома Колесова: в 1 явлении он оказывается в роли «грамотного сукина сына», который подписывается за «неграмотного председателя», во 2 явлении – оперативным исполнителем приказа «ангела». Выделим из первого процитированного выше фрагмента аллюзию на прототип:

«Получено в фонд от проф. Персикова 1 /одна/ па кало. Колесов».

- А это что?
- Жетон-с».

Исходя из принципа суггестивного маркирования, здесь прототип выводится путем добавления букв (для наглядности они увеличены) и выделения требуемых жирным шрифтом. Сравните верхний и нижний тексты:

«Получено в фонд от пОЛЬСКОРоС-СИЙСКОГОФРОНТА. ПерВОЙси-коННОЙваРМИИ 1 /одна/ паВШАЯ кавалерийскаялошадь. Колесов».

- А это что?
- **Жетон-с».**

Дешифрованный таким необычным способом отрывок позволяет установить лицо героя Гражданской войны – Ивана Петровича Колесова, кавалера двух орденов Боевого Красного Знамени, легендарного комбрига Первой конной армии (1 КА), умудрившегося стать непримиримым врагом советской власти. К последнему привело следующее обстоятельство. В 1920 г. в результате значительных потерь Конармии в ходе неудачной польской кампании он по распоряжению Реввоенсовета Республики, с оказанным ему революционным доверием, осенью 1920 г. отбыл за набором в родные царицынские станицы и хутора, где встретил настоящий грабеж населения продотрядами. Возмущенный политикой продразверстки, И.П. Колесов создал из революционного казачества «антибольшевистское сопротивление», которое вплоть до апреля 1921 г. вело ожесточенную борьбу с продотрядами и ЧК. Он явился, таким образом, первым предателем и, соответственно, «врагом народа».

Любопытны детали завершающей части военной биографии И.П. Колесова. Они в значительной степени повторяют реконструированную часть текста. Фраза «1 /па/ кало. Колесов» воссоздает три редкой исключительности факта. У Ивана Петровича Колесова был младший брат, комбриг 1 КА Николай Петрович Колесов, который не изменил Л.Д. Троцкому и Красной армии, и более того, имел три ордена Красного Знамени, откуда фразу можно прочитать как «1 /пара/

комбриговармиило. КолесовЫХ». Второй факт. Второй орден Красного Знамени И.П. Колесов получил в 1922 г., что называется «посмертно», – в бюрократическом аппарате РВС, видимо, скрыли неблагоприятное прошлое и замели следы, возможно, перепутали, а, может быть, забыли, что именно этот И.П. Колесов год назад стал «врагом народа». Приказ № 75 от 13 марта 1922 г. по личному составу армии тогда подписали: заместитель Председателя РВС Республики Склянский и Главнокомандующий Всеми Вооруженными Силами Республики С.С. Каменев [7].

И, наконец, третий факт. Он состоит в том, что И.П. Колесов в качестве секретаря домового комитета мог принести лубянским следователям только свои калоши, так как «Марья Степановна, крестьясь, забрала великопленные калоши и унесла их на черный ход. Там постояла за дверью, а потом калоши спрятала в кладовку». И только когда Персиков потребовал принести расписку от «какого-нибудь грамотного сукина сына», явилась с распиской от Колесова. К тому же колесовское происхождение вражеских калош объясняется и исторической реальностью: последние часы жизни И.П. Колесов провел в леваде (пойменных лесах, заливаемых в половодье), где его окружили и застрелили чекисты. Намек на мертвого И.П. Колесова, явившегося с того света прославленного комбрига Конармии, лежит в заключительном слове диалога: «жетон-с». Обратимся к истории его возникновения, ведь И.П. Колесов имел к нему самое непосредственное отношение: в Первую мировую войну казак получил звание Георгиевского кавалера.

«В январе 1917 г., Николаем II был подписан указ о введении особых шейных знаков для опознания убитых и раненых и для отметки Георгиевских наград нижних чинов. Знак представлял собой медальон, состоявший из двух половинок, в который вкладывалась пергаментная бумага с данными нижнего чина. Сюда необходимо было мелким почерком записать звание, имя, фамилию, год и место рождения, год призыва, сословие, вероисповедание, номер роты, эскадрона или сотни, номер и название полка, батареи, дивизиона или артиллерийской бригады, год призыва, да еще и имеющиеся награды. В приказе по военному ведомству разъяснялось, что знак должен из-

готовливаться из жести и носится под мундирной одеждой на шнулке или тесемке»².

Применен М.А. Булгаковым был и прием стилизации: подделка под секретную военную телеграмму, требующую работы шифровальщиков, или даже под хозяйственный расчет при постановке на учет в российской армии или снятие с учета вооружения, амуниции, тягловой силы (лошадей) и людей.

Следовательно, вражеские калоши, которые опознали лубянские чекисты в повести, имели к И.П. Колесову непосредственное отношение: Л.Д. Троцкий всегда ценил и защищал царских военспецов, что припомнят ему и им в годы «больших чисток». Вспомнят и то, что сам он считался плохим военспецом («Да неграмотный же председатель!..» – восклицает Марья Степановна) и набирал в ряды Красной армии таких неустойчивых, «несознательных элементов» и предателей, как И.П. Колесов («Пусть за него какой-нибудь грамотный сукин сын распишется!» – приказывает Персиков).

Теперь обратимся к еще одному художественному плану – универсальному, интертекстуальному, игровому, – без игрового дресс-кода мимикрия еще одного прототипа, его масштаб, протеизм и многоликость будут ощущаться в повести не совсем явственно и полно, а рецепция его в сознании массового читателя не достигнет той фазы, когда «враг всегда должен быть найден», а «если его нет, выдуман». Поэтому в игровом плане, преднамеренно, а может быть, спонтанно, со свойственным обычаем булгаковского ума все мистифицировать, можно предположить, что калошный след преступника Пеленжковского попадает на мгновение, как можно выразиться, в настоящий калошный (или как в старину выражались: калашный) ряд и далее призрачно фигурирует в области военной разведки.

Присмотримся сначала к калошному ряду. Дело здесь состоит в том, что в 1920-е гг. центрами по изготовлению калош считались две фабрики в стране – Меленковский комбинат в Муроме и «Красный треугольник» «в городе Ленина на Неве». Перенос географических обозначений и названий этих комби-

натов в сферу мистики и колдовства помогает объяснить исчезновение обладателя «шпионских калош». Первый, муромский комбинат, маркирует национальную нечистую силу в русском фольклоре («муромские леса» и «дороженьки» с Соловьем-разбойником, лешими, кикиморами и водяными), от которого идут такие поговорки русского народа, как: «черт его знает», «леший его знает», «черт унес» и т. д. Персиков, как мы видели, многократно «бубнит» первую из них на перекрестном допросе. Второй маркер, комбинат «Красный треугольник» «в городе Ленина на Неве», перекликается с Бермудским треугольником, международным дьявольским центром по исчезновению людей. Наконец, с исчезновением людей связана и этимология фамилии Пеленжковский: она разыгрывает технический термин аппарата военной разведки: слово «пеленг» голландского происхождения (гол.: *peiling*) и на языке контрразведчиков означает нахождение координат шпиона средствами радиоизлучения.

Радиосвязь между шпионом и резидентом действительно включается: в 4-й главе «Попадья Дроздова», придя в состояние аффекта от появления «капитана» Степанова, профессор на запрос германской газеты «Берлинер Тагеблатс» отвечает по телефону на чистом немецком. Тогда бы его и схватить. Но вместо пеленга горе-контрразведчики пользуются дореволюционным методом сыска – поиском преступника с помощью собаки (после попытки дачи взятки). Если следовать по тексту далее, то можно увидеть, что на следующий день к зоологическому институту чекисты приставляют двух странных охранников: чекистов в «модных зеленых котелках» со значками за бортами пиджаков.

Этот розыгрыш снова вызывает одновременно ужас и смех. В 1920-е гг. советский человек оставался свидетелем того, что на значках полицейских шпииков и ищеек до Октября была изображена собака охотничьей породы легавая, откуда в блатном мире новой эпохи закрепилось презрительное по отношению к сыщикам прозвище «легавый». Запеленгованный таким устаревшим способом немецкий шпион Пеленжковский (черт Персикова) ускользает, и, соответственно, оказывается невредимым. Сухим из воды

² Жетон военнослужащего. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 06.10.2017).

выходит и сам Персиков (Ленин), хотя, как мы читали, – во время объявления Панкратом о приходе «гостя» он сам держал в руках перед «зеленым сукном» «лупу и какие-то диаграммы» – предметы явно из шпионской среды и области радиолокационной разведки.

Но вернемся вновь к историческому прототипу. В политическом плане, вероятно всего, роль дьявола-«шефа», резидента вражеской разведки Пеленжковского в повести М.А. Булгакова мог сыграть легендарный проходимец и авантюрист Александр Львович Парвус (настоящее имя Израиль Лазаревич Гельфанд) – «деятель российского и германского социал-демократического движения, теоретик марксизма, публицист, доктор философии»³. Родился А.Л. Парвус в краю лесов и болот под Минском, в Белоруссии, поэтому калоши Пеленжковского в некоторой степени намекают на его происхождение. Как и Пеленжковский «без имени и отчества», А.Л. Парвус скрывал свои настоящие имя и отчество, представляясь псевдонимом; как и Пеленжковский, «светящийся лаком и драгоценными камнями», А.Л. Парвус также любил блеск и бриллианты; как и Пеленжковский, «изображенный» «на визитной карточке» «полномочным шефом торговых отделов иностранных представительств», А.Л. Парвус также не имел постоянного гражданства; как и Пеленжковский, судя по той же карточке, А.Л. Парвус был крупным торговым агентом: до периода Балканских войн 1912–1913 гг. представителем того или иного государства, а позже «официальным представителем ряда немецких компаний, в том числе концерна Круппа»⁴, заинтересованных в поставках военной техники и продовольствия. Все стоило денег, и уж всегда сопутствующая торговле на войне разведка тем более. Поэтому можно вслед за некоторыми историками утверждать, что уже тогда, в период Балканского кризиса, А.Л. Парвус «стал платным германским агентом», а не только «русским» или «турецким»⁵.

Примечательно, что и вернулся он из Турции и с Балкан необыкновенно разбогатевшим: «А.Л. Парвус неожиданно появился

среди социал-демократов, ослепляя их блестящим бриллиантовым запонком и золотых перстней. Теперь он стал выступать как защитник прогрессивной миссии германского милитаризма, фактически играющего на руку мировому социализму, и как ярый противник русского царизма – старого врага социализма»⁶.

Всегда мечтающий любыми путями превратиться в «денежный мешок», он делал из военной информации и демократических революций доходный бизнес, и только в этом ключе следует рассматривать его деятельность, в том числе его связь с В.И. Лениным практически во все годы своей подрывной работы против Российской империи, вплоть до Октября. Поэтому то, что В.И. Ленин считался германским шпионом, осуществляющим революцию в России на немецкие деньги, переданные через А.Л. Парвуса, многих современников М.А. Булгакова не смущало. Не смутило даже тогда, когда А.Л. Парвус от такого революционного сценария наотрез и публично отказался. «Когда в июле 1917 г. большевиков обвинили в связях с германским генштабом, и главным доводом оказалась созданная им экспортно-импортная компания, А.Л. Парвус в своем берлинском издательстве выпустил брошюру под названием «Мой ответ А.Ф. Керенскому и компании»: «Я всегда, – писал А.Л. Парвус, – всеми имеющимися в моем распоряжении средствами поддерживал и буду поддерживать российское социалистическое движение. Скажите вы, безумцы, почему вас беспокоит, давал ли я деньги В.И. Ленину? Ни В.И. Ленин, ни другие большевики, чьи имена вы называете, никогда не просили и не получали от меня никаких денег ни в виде займа, ни в подарок...» Но ему не поверили»⁷. Позднее Белое движение дружно и искренне распространяло этот буржуазный миф, доставшийся последующим поколениям русских людей⁸.

⁶ Казус Парвуса. URL: <http://zagadki-istorii.ru/zlo-dei-37.html#ixzz54BGU0AAU> (дата обращения: 06.10.2017).

⁷ Парвус Александр Львович. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 06.10.2017).

⁸ См., напр., современные многосерийные фильмы, вышедшие на экраны российского телевидения в конце 2017 – начале 2018 гг.: «Демон революции», или «Меморандум Парвуса» (2017, реж. В. Хотиненко), «Троцкий» (2017, реж. А. Котт, К. Статский).

³ Парвус Александр Львович. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 06.10.2017).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Этому, как видно из текста, тайно способствовал и М.А. Булгаков.

Памятью предательское поведение А.Л. Парвуса по отношению к своей бывшей родине и его большую страсть к «роскошным виллам, прибыльным акциям, золотым цацкам и бриллиантам»⁹ [6], В.И. Ленин и Л.Д. Троцкий полностью отвернулись от него после 1917-го. «Не получив разрешения вернуться в Россию, А.Л. Парвус, по свидетельству Л.Д. Троцкого, какое-то время еще пытался издали участвовать в русской революции: «После Октября А.Л. Парвус сделал было попытку сблизиться с нами; он даже стал издавать для этой цели где-то в Скандинавии газетку на русском языке, кажется, под заглавием «Извне»... Помню, как весело мы смеялись по поводу неуклюжей попытки «бывшего» человека взять русскую революцию под свою высокую руку. «Надо поручить «Правде» его отхлестать...» – такими примерно словами откликнулся В.И. Ленин на парвусовскую попытку»¹⁰. Думается, сделал это лучше всех впоследствии М.А. Булгаков. Сатирик учел даже то мистическое обстоятельство, что, образно говоря, кроме русских калош, вещественных доказательств пребывания А.Л. Парвуса в мире после смерти, случившейся в год смерти В.И. Ленина, не стало: «не осталось никаких его бумаг, исчезло все его состояние»¹¹.

Стоит снова обратить внимание на метод шифровки, часто используемый М.А. Булгаковым – мы называем его приемом суггестивного маркирования [8]. В этом новом для русской литературы приеме скрытое слово-денотат (по отношению к фразе) или новый текст-денотат (по отношению к фрагменту произведения) реконструируются по большому количеству маркеров, своеобразному литературному штрих-коду, воссоздающих аллюзийное поле (иногда с сигнификатами). Выше мы уже рассмотрели, на примере прототипа секретаря домкома Колесова, как работает прием. Теперь обратимся к надписи на визитке:

⁹ Казус Парвуса. URL: <http://zagadki-istorii.ru/zlo-dei-37.html#ixzz54BGU0AAU> (дата обращения: 06.10.2017).

¹⁰ Парвус Александр Львович. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 06.10.2017).

¹¹ Там же.

«Полномочный шеф торговых отделов иностранных представительств при Республике советов».

В этой фразе последовательно встречаются буквы, составляющие фамилию «Парвус»:

Полномочный шеф торговых отделов иностранных **р**едста**в**ительств при Респ**у**блике **С**оветов.

Мы вряд ли бы стали затевать такой экскурс в историю жизни легендарного представителя европейского капитала и ростовщичества, если бы не то важное обстоятельство, что после II съезда РСДРП, когда произошел знаменитый раскол партии на «большевиков» и «меньшевиков», А.Л. Парвус стал для Л.Д. Троцкого культовой фигурой и, что называется, учителем до конца дней своих: теория «перманентной революции», из-за которой Л.Д. Троцкий разошелся с И.В. Сталиным и поплатился жизнью, была внушена будущему вождю именно тогда А.Л. Парвусом. Даже впоследствии, в годы Балканского кризиса, в статье «Некролог живому другу» Л.Д. Троцкий публично признавался: «На миг отвернувшись от фигуры, которая является на Балканах под столь заслуженным псевдонимом, автор сих строк считает долгом личной чести отдать должное человеку, которому он обязан своими идеями и умственным развитием больше, чем любому другому представителю старшего поколения европейских социал-демократов...»¹². Поэтому без тени сомнения нужно признать, что главным следователем по делу «каналы» Пеленжковского выступил его старый друг и «ангел»-хранитель Л.Д. Троцкий: «во френче», в пенсне в виде «хрустальной бабочки» на носу, «в рейтузах» и «лакированных сапогах».

В облике Пеленжковского могли отразиться и другие политические деятели эпохи – редакторы немецкой газеты «Берлинский ежедневник» («Berliner Tageblatt», или «Берлинер тагеблатт», в повести – «Берлинер Тагеблатт») Теодор Вольф (ред. 1906–1933) и Пауль Шеффер (ред. 1934–1936). Первый считался «одним из главных зачинщиков

¹² Там же.

кампании против СССР»¹³ – по крайней мере, такую характеристику под фотографическим портретом давал ему советский журнал «Красная Панорама» на последней странице 6-го номера за 1930 г. Номер оказался последним, после его выпуска журнал закрыли, но думается, что активный читатель «Красной Панорамы» М.А. Булгаков мог воспользоваться этой характеристикой и его портретом в пенсне.

Второй представитель немецкой прессы относился не менее враждебно к Советскому Союзу, первоначально по отношению к его внутренней политике, а затем, с приходом к власти фашистов, к политике внешней. Еще до занятия поста главного редактора газеты П. Шеффер стал «первым иностранным журналистом, которому было отказано в повторном въезде в Советский Союз, так как в 1929 г. он опубликовал отрицательные отчеты о пятилетке и предсказал наступление голода»¹⁴. С назначением же на пост редактора, а в 1937 г. на должность «специального уполномоченного» доктора Геббельса в США, П. Шеффер повел себя еще круче. «Одна из его главных функций, – писали М. Сейерс и А. Кан, – заключалась в возбуждении общественного мнения Соединенных Штатов против Советской России. Антисоветские статьи «эксперта по русским делам» Шеффера регулярно появлялись в популярных американских журналах и газетах. Одной из его излюбленных тем были московские процессы. Своим многочисленным американским читателям П. Шеффер изображал эти процессы, на которых сам он был разоблачен как германский агент, в виде «гигантских фальсификаций». Н.И. Бухарина, Г.Л. Пятакова, К.Б. Радека и других представителей русской «пятой колонны» он характеризовал как «подлинных большевистских вождей». Самые неумеренные похвалы он, однако, приберегал для Льва Троцкого» [9].

Заметим: образ Пеленжковского снова связан нерасторжимыми узами с ролью Л.Д. Троцкого в истории. На этот раз после Л.Д. Троцкого как поклонника германского агента А.Л. Парвуса мы встречаемся с германским агентом – поклонником Л.Д. Троц-

кого. И штрих-код «агента по русским делам» (маркирование фамилии в визитке) прочитывается не иначе как:

Полномочный шеф торговых отделов иностранных представительств при Республике советов.

Образы и впрямь сверкают у писателя «сквозь магический кристалл». И кристалл этот, как персиковский микроскоп, «сменивший увеличение с 5 на 10 тысяч», многократно усиливший силу мага, показывал все ту же чудовищную оборотническую натуру литературного персонажа – черта.

На двойниковую родственность профессора Персикова дьяволу («шефу» шпионов Пеленжковскому) указывают не только детали «лупа и какие-то диаграммы», но и сцена во 2-й главе с перепутыванием калош, выражаемая в русской поговорке «черт попутал». Профессор шагал по улице в правой калоше, надетой на левую ногу, что само собой вызывает смех и намекает на хромоту походки, присущую существам ночного мира – дьяволу и бесам. Кроме того, этот атрибут, защищающий от влаги и сырости, намекает на хтоническое происхождение обоих. Оба героя к тому же и остаются без калош на ногах. На маргинальное, а значит, уродливое, перевернутое и в то же время смешное положение Персикова по отношению к солнечному миру указывает также смех молодой разудалой компании, застающей бредущего на утренней заре «ученого чудака» с одной калошей в руке.

Подчеркнем еще раз: персоны, которых профессор вызывает с Лубянки в свой кабинет для расследования инцидента, являются вполне узнаваемыми. Изображенные сатирически – в погоне за чертом, доведенные до газетно-площадной карикатуры, они полностью отвечали эстетическим вкусам «недоучившегося семинариста». Другое дело, что в начавшуюся эпоху пятилетних планов недавние герои попадали в состояние табу: оговаривать их имена и деятельность могли только официальная пропаганда и литературная критика, но рассуждать в быту или изображать в художественной литературе уже боялись.

¹³ Красная Панорама. 1930. № 6. С. 16.

¹⁴ Berliner Tageblatt. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Berliner_Tageblatt (дата обращения: 06.10.2017).

Возможно, что из-за них, а конкретнее, из-за единоличного наследника этой тройки кремлевских «заговорщиков», зорко всмотревшегося в страницы произведения варианта 1925 г. и заказавшего художественный спич-список своих заклятых врагов и соперников, повесть тайно была подменена на полках библиотек, а сам «сатиры смелый властелин» после знаменитой телефонной аудиенции в 1930 г. стал его «тайным другом». «Заячий тулупчик», в свое время сберегший царского офицера Петра Гринева от народного гнева в «Капитанской дочке» А.С. Пушкина, превратился в тулупчик кошачий – «Васенькин». Далеко не каждый (а тем более «бывший сменовеховец» и белогвардеец, воспевавший «золотопогонную сволочь» в «Днях Турбиных») мог похвастаться, не вступая в противоречие со своей совестью, столь высоким покровительством. Продолжать писать и одновременно оставаться режиссером крупнейшего театра страны, подготавливая к постановке помпезную пьесу о И.В. Сталине «Батум», – что еще могло быть мистичнее для «МИСТИЧЕСКОГО ПИСАТЕЛЯ», служащего тому, чьи личные амбиции в групповой борьбе оказывались выше общественных взглядов на природу врага. Если бы вождь нарушил в 1939 г. принцип «не ставить пьесы о себе», М.А. Булгаков навсегда заставил замолчать всех травивших его и хулящих, всех завистливых и бранящих. Но, может, тогда и не был бы написан на последнем вздохе последний роман «Мастер и Маргарита», – «роман о поиске покровителя»? [10, с. 266].

(Окончание в следующем номере.)

Список литературы

1. Колчанов В.В. Три лика нового Мандро: образ журналиста Степанова и проблема атрибуции в повести М. Булгакова «Роковые яйца» // 19 Державинские чтения: Институт филологии. Материалы Общероссийской научной конференции. Февраль 2014 года. Тамбов, 2014. С. 49-56.
2. Колчанов В.В. «Сквозь магический кристалл»: образ А.К. Воронского в сатирической повести М.А. Булгакова «Роковые яйца» // Нефилология. 2017. Т. 3. № 3 (11). С. 61-74.
3. Колчанов В.В. Катабасис как сатирический мотив в повести М.А. Булгакова «Роковые яйца»: образ профессора Персикова в свете античной, западноевропейской и русской церемониальной магии // Русская литература XX–XXI веков в национальном культурно-историческом контексте: коллективная монография. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. С. 170-188.
4. Колчанов В.В. «Тамбов на карте генеральной...»: сатирическая повесть М.А. Булгакова «Роковые яйца» и «куриная история», в сем граде случившаяся, а также в столице и государстве, до и после того // Филологическая регионалистика. 2018. № 1-2.
5. Сисикин В. Дионисов мастер // Подъем. 1989. № 3.
6. Белый А. Москва / сост., вступ. ст и примеч. С.И. Тиминой. М.: Сов. Россия, 1989.
7. Савин И. Трагедия комбрига Колесова. URL: <http://www.donskoy-westnik.ru/index.php/don/14-combcoles> (дата обращения: 06.10.2017).
8. Колчанов В.В. Между мистерией и буфф: повесть М.А. Булгакова «Роковые яйца» в свете театральных модернистских жанров первой трети XX в. // Вестник Тамбовского университета. Серия Филологические науки и культурология. Тамбов, 2016. Вып. 2 (6). С. 53-65.
9. Колчанов В.В. «Тамбов на карте генеральной...»: сатирическая повесть М.А. Булгакова «Роковые яйца» и «куриная история», в сем граде случившаяся, а также в столице и государстве, до и после того // Филологическая регионалистика. 2018. № 1-2.
10. Сейерс М., Кан А. Тайная война против Советской России. URL: <http://ansya.ru/health/majkl-sejers-alebert-kan-tajnaa-vojna-protiv-sovetskoj-rossii/pg-13.html> (дата обращения: 06.10.2017).
11. Скороспелова Е.Б. М.А. Булгаков // История русской литературы XX века (20–90-е годы). Основные имена / отв. ред. С.И. Кормилов. М.: Изд. отдел филол. фак-та МГУ им. М.В. Ломоносова, 1998.

Поступила в редакцию 10.12.2017 г.
Отрецензирована 15.01.2018 г.
Принята в печать 08.02.2018 г.

Информация об авторе

Колчанов Владимир Викторович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, журналистики. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: vla-kolchanov@yandex.ru

Для цитирования

Колчанов В.В. «Троцкисты»: литературно-политический фарс и сатирические средства его выражения в повести М.А. Булгакова «Роковые яйца» // Нефилология. 2018. Т. 4, № 13. С. 45-58.

“TROTSKYISTS”: LITERARY AND POLITICAL FARCE AND SATIRICAL MEANS OF ITS EXPRESSION IN THE NOVEL OF M.A. BULGAKOV “THE FATAL EGGS”

Vladimir Viktorovich KOLCHANOV

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
E-mail: vla-kolchanov@yandex.ru

Abstract. The novel “The Fatal Eggs” of M.A. Bulgakov is analyzed. Its satirical vector is in a secret literary farce focused on L.D. Trotsky and his surroundings. The composition of farce and its borders of embeddedness in the text are defined. The connections with diablerie, mystery bouffe, political farce, which was done by Soviet propaganda in order to show “Moscow Trials” towards “Trotskyists”, are found. As literary references we use roman feuilleton “Moscow” by A. Bely and “Erendorf Island” by V.P. Kataev. The main place is given to playing peculiarities of the work, particularly, varieties of allusion – suggestive marking mode. We present the hypothesis of attribution of the novel.

Keywords: farce; diablerie; allusion; grotesque; P. Scheffer; L.D. Trotsky; A.L. Parvus; I.P. Kolesov; L.G. Rabinowitz; Y.A. Yakovlev

References

1. Kolchanov V.V. Tri lika novogo Mandro: obraz zhurnalista Stepanova i problema atributsii v povesti M. Bulgakova «Rokovye yaytsa» [Three faces of new Mandro: image of the journalist Stepanov and the problem of attribution in the novel of M.A. Bulgakov “The Fatal Eggs”]. *19 Derzhavinskie chteniya: Institut filologii. Materialy Obshcherossiyskoy nauchnoy konferentsii. Fevral' 2014 goda* [19th Derzhavin Readings. Institute of Philology. Papers of the All-Russian Scientific Conference. February 2014]. Tambov, 2014, pp. 49-56. (In Russian).
2. Kolchanov V.V. «Skvoz' magicheskiy kristal»: obraz A.K. Voronskogo v satiricheskoy povesti M.A. Bulgakova «Rokovye yaytsa» [“Through crystal ball”: the image of A.K. Voronskiy in satirical story of M.A. Bulgakov “The Fatal Eggs”]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2017, vol. 3, no. 3 (11), pp. 61-74. (In Russian).
3. Kolchanov V.V. Katabasis kak satiricheskiy motiv v povesti M.A. Bulgakova «Rokovye yaytsa»: obraz professora Persikova v svete antichnoy, zapadnoevropeyskoy i russkoy tseremonial'noy magii [Katabasis as a satirical motive in the novel of M.A. Bulgakov “The Fatal Eggs”]. *Russkaya literatura XX–XXI vekov v natsional'nom kul'turno-istoricheskom kontekste* [Russian Literature of 20th–21st Century]. Tambov, Publishing House of Tambov State University named after G.R. Derzhavin, 2017, pp. 170-188. (In Russian).
4. Kolchanov V.V. «Tambov na karte general'noy...»: satiricheskaya povest' M.A. Bulgakova «Rokovye yaytsa» i «kuri-naya istoriya», v sem grade sluchivshayasya, a takzhe v stolitse i gosudarstve, do i posle togo [“Tambov on the general chart...”: satirical novel of M.A. Bulgakov “The Fatal Eggs” and “chicken story” happened in that town and also in the capital and state, before and after that]. *Filologicheskaya regionalistika – Philological Regional Science*, 2018, no. 1-2. (In Russian).
5. Sisikin V. Dionisov master [Dionysus's master]. *Pod'em* [Rise], 1989, no. 3. (In Russian).
6. Bely A. *Moskva* [Moscow]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1989. (In Russian).
7. Savin I. *Tragediya kombriga Kolesova* [Tragedy of the brigade commander Kolesov]. (In Russian). Available at: <http://www.donskoy-westnik.ru/index.php/don/14-combcoles> (accessed 06.10.2017).

8. Kolchanov V.V. Mezhdru misteriey i buff: povest' M.A. Bulgakova «Rokovye yaytsa» v svete teatral'nykh modernistskikh zhanrov pervoy treti XX v. [Miracle-play and comic play: novella by M.A. Bulgakov “The Fatal Eggs” from the point of theatre modernist genres of the first third of 19th century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Filologicheskie nauki i kulturologiya – Tambov University Review. Series Philology and Culturology*, 2016, no. 2 (6), pp. 53-65. (In Russian).
9. Seyers M., Kan A. *Taynaya vojna protiv Sovetskoy Rossii* [Secret war against Soviet Russia]. (In Russian). Available at: <http://ansya.ru/health/majkl-sejers-alebert-kan-tajnaya-vojna-protiv-sovetskoj-rossii/pg-13.html> (accessed 06.10.2017).
10. Skorospelova E.B. *M.A. Bulgakov. Istoriya russkoy literatury XX veka (20–90-e gody). Osnovnye imena* [M.A. Bulgakov. History of Russian Literature of 20th Century (20s–90s). Main names]. Moscow, Publ. Department of Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University, 1998. (In Russian).

Received 10 December 2017

Reviewed 15 January 2018

Accepted for press 8 February 2018

Information about the author

Kolchanov Vladimir Viktorovich, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Russian and Foreign Literature, Journalism Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: vla-kolchanov@yandex.ru

For citation

Kolchanov V.V. «Trotskisty»: literaturno-politicheskiy fars i satiricheskie sredstva ego vyrazheniya v povesti M.A. Bulgakova «Rokovye yaytsa» [“Trotskyists”: literary and political farce and satirical means of its expression in the novel of M.A. Bulgakov “The Fatal Eggs”]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2018, vol. 4, no. 13, pp. 45-58. (In Russian, Abstr. in Engl.).